

Действующие лица:

НИНА ЛУГОВСКАЯ

СОТРУДНИК НКВД

1932 год. Нине 13 лет.

НИНА: 11 октября 1932 г. Сегодня у меня выходной. С утра пошла за хлебом, на улице холодно и неприветливо. Сейчас чертовски дрянное настроение, ничего не хочется делать, с досадой вспоминаю вчерашний день. Мои поступки в школе! Когда я научусь сдерживать себя? Что это — обещала не садиться близко от Лёвки, а села рядом, божилась не ждать его около школы, а, наоборот, смотрела во все глаза и, увидав, по примеру остальных неистово кричала. Как не сходятся разумные думы с взбалмошной действительностью. Вот написала и успокоилась, как будто чья-то рука сложила в определенный порядок всё в моей душе, так что не осталось ни одной частички, которая бы тревожила меня.

СОТРУДНИК НКВД: Когда следователь перешёл в мою комнату, напряжение дошло до последней степени. «Всю жизнь провел так», — заметила Женя. «Кто, папа?» — «Да. А интересно так». Покончив с комнатой, следователь перешёл в коридор к сундуку и открыл крышку. Содержимое ящика оказалось не особенно чистым, и он сказал: «Переберите, пожалуйста». «Это не входит в мои обязанности», — отрезала мама. И дворник принялся выкладывать грязные валенки. Мы с усмешкой следили за действиями сыщиков. Обыск окончен, и все собрались в маминной комнате (кроме нас троих). Мы напряжённо ждали: возьмут или нет? Минуты проходили долго. И вот послышались шаги, все пятеро гостей вышли в коридор. «До свидания!» — «Заходите почаще». Они засмеялись и хлопнули дверью. «Ура! Всё в порядке». Утром в школе мне нестерпимо хотелось рассказать о происшедшем Ире.

1933 год. Нине 14 лет.

НИНА: На уроке обществоведения учитель говорил что-то о кадрах и о том, что сейчас открываются новые институты.

СОТРУДНИК НКВД: Неплохо было бы спросить его, а почему старые институты сейчас целиком распускаются.

Надежда Александрова «Красным карандашом»

НИНА: Пока я только собиралась спросить, я оставалась совершенно спокойной, но когда я уже решила, что спрошу обязательно, сердце так сильно забилося... Я сидела и ждала, когда кончит учитель говорить, и твердила своему сердцу: «Ну, замолчи же». Но оно не только не замолкало, а, наоборот, начинало биться еще сильнее...

СОТРУДНИК НКВД: Конечно, после моего вопроса учитель меня засыпал, а возражать мне уже совсем не хотелось.

НИНА: Ира сидела за столом боком ко мне и что-то внимательно перебирала. «Что это ты делаешь?» Она не отвечала. Алёнушка молча покосилась на меня своими большими голубыми глазами. «Слушай, Нина, — начала О. А., — Ирина сегодня не пойдёт...»

СОТРУДНИК НКВД: «У нас арестовали папу...» Голос ее прервался, и некоторое время мы все молчали. Я тихо протянула: «Ааа...» — и стояла в нерешительности, не зная, что делать дальше. «Никому не говори и не объясняй учительнице, почему не пришла Ира». «Хорошо, хорошо», — твёрдо и уверенно ответила я. Я знала, что от меня никто ничего не узнает.

НИНА: Мысли вихрем носились у меня в голове. Эта безмолвно сидящая семья поразила меня: молчаливая Алёнушка, Ирина и плачущая мать.

СОТРУДНИК НКВД: «Пускай страдает и она, я ведь тоже страдала». Мне вспомнилось и то, что было с нами четыре года назад, у нас тоже отняли папу. Я тогда проснулась утром, ничего не зная. Бабушка вошла и спросила: «Пойдешь в школу? Папу арестовали». — «Нет». Когда она ушла, я сначала заплакала. В душе вдруг поднялась вся злость и досада на того, кто смел отнять папу. И теперь у Иры отняли его, нарушили счастье и спокойствие, грубо разбили весь образ жизни, все привычки, всё, что дорого сердцу. Мы тоже хорошо жили до папиного ареста, но... потом как с неба свалились в омут лишений и волнений. И они, евские по утрам сливочное масло, пившие кофе, потеряют все, если вдруг его сошлют куда-нибудь в Усть-Сысольск, в маленький северный городишко... Ира будет учиться и копить в душе злобу на них. О, сволочи! Мерзавцы! Как смеете вы делать это!

НИНА: А мать Иры не будет работать. Моя мама работала, а она не будет и за какие-нибудь года три постареет на десять лет, но работать не сможет. А Ира?.. Неужели после трехгодовой разлуки она разлюбит отца? Я разлюбила, долгое время не могла освоиться с ним и даже чуть ли не называла его на «вы».

Надежда Александрова «Красным карандашом»

СОТРУДНИК НКВД: До чего вы дошли, что вы делаете? Вчера И. Ю. делала нашей группе доклад о Ленине и коснулась, конечно, нашего строительства. Как мне больно было слышать это бессовестное враньё из уст боготворимой женщины. Пусть врёт учитель обществоведения, но она со своей манерой искренне увлекаться — и так врать. И кому врать? Детям, которые не верят, которые про себя молча улыбаются и говорят...

НИНА: Вдруг оставила всякая надежда, что Лёвка меня любит (как странно и смешно произносить это слово). Случилось это на уроке рисования, я, вероятно, показалась смешной мальчишкам, они заржали, потом начали кричать «дура», и мне даже показалось, что Лёвка кричит «косая». Я вспыхнула и, продолжая спокойно рисовать, почувствовала вдруг, как что-то рушится в душе моей и, смешиваясь с оскорблением, исчезает надежда. Но самое сильное разочарование — так это конец веры в свой литературный талант. Я бездарна, так что теперь в душе нет ничего, кроме непередаваемой тоски и пустоты.

СОТРУДНИК НКВД: Эти обстоятельства заставляют меня не раз шептать с горечью: «Жизнь, если взглянешь с холодным вниманием кругом, такая пустая и глупая шутка».

НИНА: Легко сказать, но как-то не хочется верить, что на самом деле жизнь — это шутка, да вдобавок глупая. Вчера вечером я шла по улице, смотрела в голубые сумерки, прислушивалась, как на бульваре крикливые няньки громко окликали своих детей, смотрела на высокие большие дома, на темные мелькающие фигуры людей и думала: «Ну что такое жизнь? Ходить в лавки, кричать на детей? Зачем построены эти дома, эта мостовая, так хорошо вымощенная?» Сегодня утром ходила к Ксюшке, спрашивала, пойдет ли она со мной в театр, а сама думала с какой-то щемящей тоской: «Ну зачем это всё, и театр, и всё, всё?...»

СОТРУДНИК НКВД: А тут папе отказали в паспорте. Какая буря шумела у меня в душе! Я не знала, что делать. Злость, бессильная злость наполнила меня. Я начинала плакать. Бегала по комнате, ругалась, приходила к решению, что надо убивать сволочей. Как это смешно звучит, но это не шутка. Несколько дней я подолгу мечтала, лежа в постели, о том, как я убью его. Его обещания — диктатора, мерзавца и сволочи, подлого грузина, калечащего Русь. Как Великая Русь и великий русский народ всецело попали в руки какого-то подлеца. Возможно ли это, чтобы Русь, которая столько столетий боролась за свободу,

Надежда Александрова «Красным карандашом»

которая наконец добилась её, — эта Русь вдруг закабалила себя? Я в бешенстве сжимала кулаки. Убить его как можно скорее! Отомстить за себя и за отца.

НИНА: Часов в пять, когда я сидела у бабушки и читала книгу, пришёл папа. Я, как и всегда за последнее время, посмотрела вопросительно на него: «Ну, что?». Дальше этого вопроса я редко заходила.

СОТРУДНИК НКВД: Я почти весь день думала, что удерживает меня от того, чтобы отравиться. Есть выход простой и лёгкий. И кончатся все мои мучения. Что заставляет меня ходить по этим улицам, украдкой взглядывая на прохожих, что заставляет учить ненавистные, постылые уроки, что заставляет молча с горькой болью в душе слушать, как Лёвка, который всё-таки нравится мне, проходя мимо, нет-нет да и крикнет сквозь смех вполголоса: «Луга косая»? Есть средство избавиться от всего этого, есть возможность покончить со всеми страданиями. Неужели может привлечь меня «пустая и глупая шутка»?

НИНА: И я ещё мечтаю о чудесной юности, двери которой закрыты для меня навсегда. И я ещё мечтаю быть хорошенькой девушкой. Ну разве это не глупо?

СОТРУДНИК НКВД: Сегодня Женя заявила, что идёт на демонстрацию по поводу выпуска займа. «Ты идёшь? – удивлённо воскликнула я. «Велят. Я не стала спорить, не стала, потому что это бесполезно». – «Идите, требуйте займа. Я бы ни за что не пошла». – «И мы такие же были в школе», - спокойно возразила Женя, как будто даже с лёгкой иронией. О, подлецы! И они ещё могут спокойно, равнодушно говорить: «Велят».

НИНА: Трудно будет мне жить на свете. Куда я гожусь? Быть или конторщицей и корпеть всю жизнь над бесконечными цифрами, или учительницей непокорных, противных учеников, которые издеваются над тобой и дразнят. Незавидная судьба! А большего я не достигну, но, может, к тому времени меня покинут мечты и угаснут мои надежды. Но жить будет, я знаю, еще тяжелей, недаром же старики с таким волнением и грустной радостью вспоминают молодость.

СОТРУДНИК НКВД: Папа — молодец, из простого крестьянина стать вполне образованным, умным и поразительно развитым человеком нелегко, и мы ему, конечно, не чета. Мы сами о себе невысокого мнения, но ещё более низкого мнения о нас отец. Он вообще ругает всю советскую молодежь, а мы для него самые глупые, неразвитые и

Надежда Александрова «Красным карандашом»

ограниченные во всём люди. Этому ещё способствует и то, что мы женщины, а все женщины для него дрянь, да и не только для него, но и для многих мужчин.

1934 год. Нине 15 лет.

НИНА: С Ириной не приходится задумываться, о чём говорить, она сама говорит без умолку. Мне было неинтересно и чуточку смешно ходить с ней и слушать совершенно меня не касающиеся и легкомысленные её похождения. Возможно, и ей было невесело, но...

СОТРУДНИК НКВД: Она с большим удовольствием описывала свою жизнь и времяпрепровождение в обществе очаровательных друзей — пятнадцатилетней хорошенькой своей подружки с её поклонником, тридцатилетним греком. Целый вечер у них фокстроты и флирты. В этом отношении она кажется куда старше меня. Сейчас уже в ней видна девушка, интересная, тоненькая и весёлая, умеющая поговорить с любым кавалером и потанцевать. И хоть она и говорит, что ей сначала было неприятно, зато потом ей понравилось там. Вот какими должны быть девушки! А не такие уроды, как мы, думающие о каком-то равенстве, требующие, чтобы нас считали за людей. Я уверена, что Ира не удивится, а будет польщена, когда в один прекрасный день грек подаст ей пальто или бросится помогать застегнуть ботики. И она будет права.

НИНА: Мне обидно и стыдно ухаживать за папой и двоюродным братом, когда они обедают. Какое они имеют право сидеть, разговаривать и смеяться, заставляя меня приносить им ложки, тарелки и отрывая от своей еды? Пускай я хуже их, ниже, ну и что? Я всё-таки человек, свободный человек! Я хочу быть свободной! Но нет, они сломят меня, добьются своего, отец и сейчас упорно стремится создать из меня именно такую, униженную рабу. Он хочет, вероятно, чтобы я не задавала себе рокового вопроса, которому сам меня учил: «Почему они имеют на это право?» Неужели я сдамся? Нет, никогда!

СОТРУДНИК НКВД: Не так давно я сказала Жене: «Можешь ли ты подать мне пузырек опиума, зная, что я отравлюсь?» — «Почему же нет? Конечно могу». — «А я бы не смогла... Жень, ты серьезно говоришь?» — «Конечно». — «Так подашь мне?». — «Подам, только сама достань опиум». — «Идёт. Хорошо, но только не обмани». После этого нет-нет да и вспомню о нашем разговоре. «Надо отравиться, — говорю себе. — Глупо жить, когда знаешь, что впереди не будет никаких изменений, что вся эта долгая жизнь будет, как сегодняшней и прошедшие дни, сплошным мучением, безысходной тоской о чем-то». А как

Надежда Александрова «Красным карандашом»

покончить с этой жизнью? Мне ещё столько осталось сделать, мне ещё так хочется пожить, и все мои желания связаны с этой жизнью. А перебороть себя надо...

НИНА: Сейчас мама крикнула мне: «Не пиши много, а то глаза заболят». А что мне, на что они мне нужны теперь? Но зачем же я делала операцию? Ах да, ведь я думала понравиться! Но нет, мне не повезло и тут. Сегодня, когда смотрела на девочек, с трудом старалась сделать глаза прямыми, и особенно невыносимо было чувствовать, что один из них смотрит в сторону. Сейчас подошла к зеркалу и долго смотрела на себя: «Нет, всё такая же! Умереть пора... Довольно, довольно». А умирать не хочется. Смогу ли я перебороть себя в последний и решительный раз?

СОТРУДНИК НКВД: Надо сходить за опиумом к бабушке.

НИНА: Пойду-ка сейчас... Эх, как трудно...

СОТРУДНИК НКВД: Я не отравилась. Почему? Ведь я пошла за опиумом к бабушке, но спросить у неё не удалось. В сущности, я бы уже не отравилась, если б даже и взяла его, я это чувствовала и шла туда только затем, чтобы исполнить как-то противную обязанность, чтобы оправдать себя в собственных глазах. Всё равно я бы не отравилась — я ещё слишком хочу жить.

1935 год. Нине 16 лет.

НИНА: В начале второго урока, когда ещё биологичка не пришла, кто-то завязал игру в снежки. Зыря, стоя на скамейке, целыми охапками хватал холодный рассыпчатый снег из-за открытого окна и сыпал им Милу, маленькую, пухленькую девочку, которая как-то беспомощно старалась защититься. Когда она с белыми пушистыми хлопьями на волосах и косах бежала за ним по классу, вошла биологичка: «Что это такое? Снежки? Я иду за завучем! Это безобразие!» И она ушла. Скоро пришла завуч. Она казалась спокойной: «Сейчас со мной пойдут следующие». «Неужели я останусь?» — думала я с досадой и готова была просить её. «Луговская», — добавила она. Я чуть улыбнулась. Так необыкновенно, почти гордо почувствовала я себя в этом первый раз в моей жизни путешествии к директору. Но всё-таки сердце билось сильно и тревожно. «Девчонки, необходимо сговориться, как отвечать. Нас, без сомнения, вызвали из-за математики. Помните, тогда записали». Около кабинета завуч остановилась и скомандовала: «Сначала пойдут мальчишки». Когда мы остались одни, настроение повысилось, так радовала и

Надежда Александрова «Красным карандашом»

смешила необычность положения. К концу урока мы так разбузились, что совершенно перестали даже волноваться и всё время хохотали.

СОТРУДНИК НКВД: Скоро пришли допрашиваемые ребята. У них всё разыскивали какую-то подпольную контрреволюционную организацию и крыли их, кажется, ужасно. Какие жалкие, презренные трусы большевики! Они так всего боятся, что даже из таких невинных шуток, как дело ребят, могут создать что-то серьезное. Ребята написали какой-то документ с приказом от императора Крока II. Ну как же не испугаться бедным советским детским блюстителем. Какая ужасная небывалая реакция в СССР. Даже школы — эти детские мирки куда, кажется, меньше должно было бы проникать тяжелое влияние «рабочей» власти, — не остались в стороне. Хотя отчасти большевики правы, они жестоки и варварски грубы в своей жестокости, но со своей точки зрения правы. Если бы с детских лет они ни запугивали детей, не видать им своей власти как ушей. Но они воспитывают нас безропотными рабами, безжалостно уничтожая всякий дух протеста. Всякое чувство критического подхода к вещам, малейший намёк на волю и независимость карается страшно. И большевики достигают своего. У тех, у которых этот протестантский дух глухо ворчал в глубине, они его окончательно убили, а тех, у которых он громко и открыто говорил, загнали в такую глубину, из которой он никогда не выберется. Но мы никак не могли представить себе, что нас вызовут по политическому делу, и беспечно смеялись, дожидаясь своей очереди.

НИНА: Наконец ребята вышли. «Ребята, — крикнули мы нашим, — о чём ещё говорили?» — «Да ну, всё какую-то партию ищут!» Завуч приказала: «Теперь вы». «Значит, не забудь, что говорить», — шепнула я Ире. Нас позвали сразу двоих. Завуч стояла ...

СОТРУДНИК НКВД: А директор, маленький, широкоплечий и страшно неприятный, сидел у стола. Лицо его, неприхотливо устроенное, грубое и лишённое всякой внутренней красоты или хотя бы симпатии (о внешней и говорить нечего), было типичным лицом рабочего, закалённого, выдавшего виды и выбившегося благодаря партийному билету, подлости и умению без раздумья и усердия выполнять все приказания свыше. Было похоже, что раньше он вращался в исключительно грубой среде воров и, может быть, проституток, но уж никак не в школе.

Надежда Александрова «Красным карандашом»

НИНА: Когда мы вошли, он, слегка кивнув, указал место у стены. Ира стояла, сцепив руки за спиной и слегка наклонив голову, я же облокотилась, может быть, слишком небрежно для разговора с такой высокопоставленной и зазнавшейся особой и осматривала стол и мебель. Директор начал этот низкий и отвратительный допрос: «Вот в связи со смертью Кирова и Куйбышева не было ли у вас какого-нибудь разговора?» — «Вот митинги только были», — проговорила я, не совсем его поняв. «Нет, а среди вас, учащихся?» Голос его был очень спокоен и почти мягок и вкрадчив. «Нет, никаких разговоров не было». — «А вот не говорили вы, что почему-то так много людей в этом году умерло?» — «А-а! Об этом как-то говорили. Вот Киров, Куйбышев, Собинов умерли, Ипполитов-Иванов недавно», — сказала Ира. «Ну, а больше ничего не говорили?» — «Нет, как будто ничего». Он выжидательно молчал, постукивая ручкой. «Но здесь, по-моему, нет ничего предосудительного?» — буркнула я, не вытерпев. Он посмотрел на меня отвратительными, отталкивающими, зелеными, как у кошки, плоскими глазами: «Предосудительно ли? Мы вас призываем не для того, чтоб давать вам объяснение. Мы только спрашиваем, и вы обязаны отвечать на наши вопросы». И, как будто только опомнившись, проговорил сразу ставшим жёстким и более резким голосом: «Встань как следует!» Я переменила позу и с поднимающимся внутри раздражением, озлоблением и едким стыдом за замечание смотрела на него. «Вы отвечаете, а я обобщаю факты. А вы не должны обобщать. Я даже педагогам при разговоре со мною не разрешаю обобщать». Хорош диктатор! Мне первый раз в жизни пришлось столкнуться с так называемой властью на местах. «А с кем еще вы говорили об этом?» — «Больше ни с кем. Только вдвоём». — «А почему же об этом вот другие знают», — спросил он и указал на исписанный листок перед ним. «Может быть, другие тоже говорили?» — нашлась Ира. После каждого вопроса следовала пауза, и каждая такая пауза успокаивала меня. Наконец он, как бы размышляя, сказал: «Ну, идите». Была физика, но не только отвечать, а и слушать мы не могли и шептались тревожно и зло: «У нас в группе легавые есть?» — «Да они везде есть», — отвечала я уклончиво и осторожно.

СОТРУДНИК НКВД: Вот новости! Мама сегодня сказала, что просматривала мой дневник, так как боялась найти там что-нибудь контрреволюционное.

НИНА: Было бы очень мило, если б она наткнулась на записи о братьях Зелениных и других.

Надежда Александрова «Красным карандашом»

СОТРУДНИК НКВД: Вообще, это мне не очень нравится, хотя я не рассердилась, я знаю, что делала она это только в моих интересах.

1936 год. Нине 17 лет.

НИНА: Я успокаиваю себя и говорю: «Ну ничего, Нинок, одну только пятидневочку походишь в школу, а там пойдешь на рабфак». И тут же злая мысль ползет издалека: «Да, жди, так тебя и примут. Когда говорят, зайдите через несколько дней, но обещать ничего не могут, значит, дело не выгорело». И всё-таки я надеюсь и в школу не хожу. Странно, мама мне это не запрещает, будто понимает мое состояние и вполне со мной согласна, хотя этого не может быть, — или она так занята, что махнула на нас рукой? Нет, не то. Вероятно, она знает, что причина у меня есть, и просто не вникает в неё, потому что совершенно мне доверяет. Боже мой!

СОТРУДНИК НКВД: Несчастливая мама, мне так больно за неё, и я так ненавижу тех, по вине которых она мучается, так хочется иногда помочь. Вот, кажется, что-то неожиданное произойдёт — и всё изменится, но ничего не происходит. А она стала старая, больная и апатичная ко всему, даже к нам и папе.

НИНА: А дочери, которым посвящена и на которых загублена вся жизнь, ходят задрав носы и не желают ничего видеть дальше своей маленькой подленькой жизни. Они воображают, в особенности младшая, что не даром созданы для этого света и что одарены необычайными талантами, поэтому грешно тратить время на такие вещи, как уборка по дому. А вы загляните в их душу. Боже мой! Чего только нет там? Какие возвышенные и прекрасные идеи, какие мысли и планы! Сколько самоотверженности и героизма, когда, удобно лежа в мягкой постели, они мечтают о своем будущем!

СОТРУДНИК НКВД: А папа сидит в Бутырках. Сидит со своей дикой и беспомощной ненавистью, со своей энергией и одарённостью и больными глазами. Сегодня я была в Политическом Красном Кресте и подала заявление. Любопытное учреждение, которое много кричит о себе и ровно ничего не делает. Я слышала от окружающих, что они ходят по несколько лет, не добиваясь никакого толку. Народу много, помещение отвратительное, похожее на закуток, посетителям очень мало отвечают, говоря, что «мы постараемся, но вряд ли из этого что-либо получится». Достойный ответ.

Надежда Александрова «Красным карандашом»

НИНА: Дорогой мой друг! Я всё так же несчастна, как и раньше, и по-прежнему у меня нет никого. Понимаешь, никого, с кем я могла поговорить, никого, кроме тебя. Да, я знаю, ты удивлён и спрашиваешь, почему же я тогда не обращалась к тебе раньше, если ты — единственный мой друг. На это трудно ответить. Помнишь, последний раз мы говорили о рабфаке. Это была надежда, для которой стоило жить и трудиться, но теперь ее окончательно нет. Не все ли равно, как она разрушилась и долго ли еще мучила меня, только теперь я опять на самом дне ужасной темной ямы... Помнишь, одно время я почти не ходила в школу. Когда история с рабфаком провалилась, я себе сказала: «Ну, Нина, теперь займись учением, ты довольно ленилась в этом году». Я решила (мне стыдно говорить об этом) летом опять подавать на рабфак. Ведь правда, мое упорство похвально, а сама я смешна ужасно. Мне нужны отметки, и я их буду добиваться. Теперь о моём состоянии. Я начала ходить в школу, и первые дни были, пожалуй, радостны, потому что я соскучилась по людям. Только вдруг я стала замечать, что вокруг меня не старые мои друзья, а какие-то чужие и непонятные люди. Я вдруг оказалась никому не нужной, меня попросту забыли. Это новое несчастье как-то пришибло меня, я изнервничалась, иногда даже плакать стала, но чем больше несчастий, тем ожесточённей хочется победить всё! И я борюсь. Прости меня, но я за этот месяц изменяла тебе в мыслях, может быть, поэтому и написала, но думала я о другом друге, настоящем, живом, которого можно видеть и слушать! Ведь ты ничего мне никогда не советуешь. Недавно...

СОТРУДНИК НКВД: Недавно были у папочки на свидании. Он отпустил бороду и стал похож на архиерея. Он скоро уезжает в Алма-Ату. Я его теперь люблю. Тюрьма, заключённые, какой-то широкий двор, тесные переходы, окошко и папино лицо, чьи-то рыдания, возгласы, истерика — все это как сон. Прошло, будто сцена в кинематографе, и нет. Я собираюсь ехать в Алма-Ату. Я о ней мечтаю так же, как и о рабфаке.

НИНА: Я уеду в эту азиатскую глушь, буду ходить по горам, есть яблоки и, может быть, хоть на время убегу от себя. Алма-Ата! Отец яблок! О, как ты, должно быть, прекрасен! Нет, не поеду. Это-то в моей власти.

СОТРУДНИК НКВД: Это-то в моей власти. Ты уедешь, Нина, но не сейчас, и не в Алма-Ату, а в Магадан. Ты пишешь, что дневник — твой единственный друг, сегодня, 16 марта 1936, а ровно через год, день в день, тебя арестуют. К пяти годам лагерей приговорят и тебя, и маму, и твоих сестёр Женю и Лялю. Луговская Любовь Васильевна...

Надежда Александрова «Красным карандашом»

НИНА: Ма...

СОТРУДНИК НКВД: ...обвиняется в том, что «будучи контрреволюционно настроена, хранила у себя контрреволюционную эсеровскую литературу и другие эсеровские документы, вела переписку с Рыбиным (бывшим членом ЦК ЛСР), в которых информировала о местонахождении отдельных кадровиков-эсеров». Луговские Ольга Сергеевна...

НИНА: Двадцать...

СОТРУДНИК НКВД: Евгения Сергеевна...

НИНА: Замуж...

СОТРУДНИК НКВД: И Нина Сергеевна ...

НИНА: Я...

СОТРУДНИК НКВД: ...восемнадцати лет, обвиняются в том, что «принимали активное участие в нелегальной деятельности контрреволюционной эсеровской организации, оказывали помощь эсерам, находящимся в ссылках, по месту жительства укрывали эсеров, нелегально проживающих в Москве». Рыбин Сергей Фёдорович...

НИНА: Па...

СОТРУДНИК НКВД: ...обвиняется в том, что «оставаясь резко враждебно настроенным к советскому государству, являлся организатором и руководителем контрреволюционной террористической и повстанческой эсеровской организации в Московской области, именовавшей себя «Крестьянский союз», готовившей в 1936 году террористические акты против руководителей ВКП(б) и советского правительства». Твоего отца расстреляют. Рыбин «воспитывал своих дочерей в контрреволюционном террористическом духе, в результате чего дочь Луговская Нина была намерена совершить террористическое покушение на т. Сталина». И ты, Нина, признаешься, что «резко враждебно настроена против руководителей ВКП(б) и в первую очередь против Сталина», что «имела террористические намерения против вождей партии и правительства». Твой дневник никогда не был тебе другом: я аккуратно подчёркиваю в нём каждое слово против действующей власти.

Надежда Александрова «Красным карандашом»

НИНА: Я не берусь спорить о рациональности и разумности вырубок и засаживания их сосенками, всё это легко доказать. Я знаю только одно твёрдо, что не только мне, но и следующему за нами поколению не дождаться такого леса, таких высоких, таких стройных, белых, воспетых всеми берёз, такой удивительной светлой глухомани, которая в час рассвета переносит в страну детства и счастья, как бы тяжело вам ни было. Что это за аккумулятор, до отказа заряженный энергией, силой, волей к работе, которыми обогащается каждый, кто прожил там день. И никакие деловые высаженные рядами сосны не заменят вам бесполезных и красивых берёзовых рощ, неожиданных и прекрасных групп молодых белоногих берёз вдоль светлой тропы, бог весть откуда взявшихся и выросших среди озимых полей, это всё уйдёт безвозвратно, и люди будут горько жалеть, черстветь и забывать. В лесной деревне крестьяне говорят: «Да что вы – они сами растут, сколько ни руби». И действительно, вы видите, как берёзовый строй занимает оставленное под парами поле и мелкими шажками наступает на отступающие отмели... Витя, поставь, пожалуйста, чайник!

СОТРУДНИК НКВД: Темплин Виктор Леонидович арестован в 1937 в возрасте 17 лет, приговорен к 5 годам лагерей как член «контрреволюционной троцкистско-фашистской террористическо-шпионской ...».

НИНА: Берёзовый строй занимает оставленное под парами поле и мелкими шажками наступает на отступающие отмели. Запас невероятной энергии заложен в этом зелёном царстве, но есть и предел, перейдя который лес неумолимо отступит, обезлесиваются деревни, исчезают остатки жалких кустов. Это значит, сила его иссякла. И сколько ни уверяйте, я не могу привыкнуть и внутренне не содрогнуться, когда вижу грузовики с аккуратно сложенными четвертованными стволами, везомыми, чтобы быть сожжёнными ненасытным драконом – городом. Январь 1965 г.

КОНЕЦ.